

УДК 811.511:143

DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-2-229-248

Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии мансийского и русского языков (на примере фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств человека)

О. Ю. Динисламова

*БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
o.dinislamova@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: в качестве основного принципа к изучению языков современная лингвистика выдвигает принцип антропоцентрический, являющийся важным её составляющим звеном терминологической системы, в соответствии с которым наиболее полное и адекватное изучение языка должно производиться в тесной связи с культурной и духовной жизнью человека, с его мышлением и сознанием. В данной работе антропоцентризм используется как принцип исследования «человека в языке», а конкретнее – «человека во фразеологии» в мансийском и русском языках.

Цель: исследовать особенности репрезентации человека в мансийской и русской фразеологии в контексте когнитивно-культурологического содержания национальных картин мира (на примере фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств человека).

Материалы исследования: материалом для исследования послужили фразеологизмы северного диалекта мансийского языка и русские фразеологические единицы, репрезентирующие интеллектуальные качества человека в дихотомии «умный – глупый».

Результаты и научная новизна: результатом проводимого исследования явилось выявление национально-культурного своеобразия фразеологизмов мансийского и русского языков, репрезентирующих интеллектуальные качества человека в дихотомии «умный – глупый», а также универсальных и специфичных признаков фразеологизмов сопоставляемых языков.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе предпринимается лингвокультурологический анализ феномена «человек» с точки зрения его фразеологической репрезентации в разнотипных языках – мансийском и русском. Несомненно, новаторским является лингвокультурологическое исследование интеллектуальных качеств мансийского человека на фоне русской лингвокультуры. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в лексикографической практике при составлении фразеологического словаря мансийского языка, а также словарей антропоцентрической фразеологии сопоставительного плана.

Ключевые слова: антропоцентризм, антропоцентрическая парадигма, сопоставительная фразеология, фразеология мансийского языка, мансийский язык, манси, интеллект, интеллектуальные качества, дихотомия «умный – глупый».

Благодарности: автор статьи выражает благодарность С. С. Динисламовой, В. С. Ивановой, Л. Н. Панченко, М. Т. Двиняниновой, М. В. Кумаевой, а также анонимному рецензенту.

Для цитирования: Динисламова О. Ю. Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии мансийского и русского языков (на примере фразеологизмов с оценкой интеллектуальных качеств человека) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 2. С. 229–248.

Anthropocentrism of language and its reflection in phraseology of the Mansi and Russian languages (based on the phraseological units with assessment of intellectual qualities of a human)

O. Yu. Dinislamova

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
o.dinislamova@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the modern linguistics puts forward the anthropocentric principle as a basic principle for the study of languages. This principle is an important component of the terminological system of linguistics. According to this principle the most complete and adequate research of language should be made in close connection with the cultural and spiritual human life, thinking and consciousness of people. Anthropocentrism in the work is used as the principle of the study «a human in a language», and more specifically – «a human in phraseology» in the Mansi and Russian languages.

Objective: to research the peculiarities of human representation in Mansi and Russian phraseology in the context of cognitive and culturological content of the national pictures of the world (on the example of phraseological units with the assessment of human intellectual qualities).

Research materials: phraseological units of the Northern dialect of the Mansi language and Russian phraseological units representing the intellectual qualities of a human in the opposition «smart – stupid».

Results and novelty of the research: the result of the research was the identification of national and cultural originality of the phraseological units of the Mansi and Russian languages, representing the intellectual qualities of a human in the opposition «smart – stupid», as well as universal and specific features of the phraseological units of comparable languages.

The scientific novelty of the research lies in the fact that the author makes an attempt of linguoculturological analysis of the phenomenon «a human» by means of phraseological representation in different languages – Mansi and Russian. Linguistic and cultural research of the intellectual qualities of Mansi people on a background of Russian language culture is innovative. The practical significance of the research is determined by the possibility of using its results in lexicographic practice in the preparation of the phraseological dictionary of the Mansi language, as well as comparative dictionaries of the anthropocentric phraseology.

Key words: anthropocentrism, anthropocentric paradigm, comparative phraseology, phraseology of the Mansi language, Mansi language, Mansi, intellect, intellectual qualities, the opposition «smart – stupid».

Acknowledgments: The author expresses gratitude to Dinislamova S. S., Ivanova V. S., Panchenko L. N., Dvinyaninova M. T., Kumaeva M. V. as well as an anonymous reviewer.

For citation: Dinislamova O. Yu. Anthropocentrism of language and its reflection in phraseology of the Mansi and Russian languages (based on the phraseological units with assessment of intellectual qualities of a human) // *Vestnik ugrovedenia* = *Bulletin of Ugric studies*. 2018; 8(2): 229–248.

Введение

Современная лингвистическая парадигма ориентирована на человека как *homo loquens* и *homo lingualis*, что активизирует исследование человеческого фактора в языке и языковой картине мира в целом. Описание тела и души человека, его мыслей и эмоций, вкуса и предпочтений и многого другого в области жизнедеятельности, процесса познания мира и его осмысления народом посредством языка позволяет выявить не только образ человека глазами его носителей, но и особенности их мировосприятия. А это носит явный отпечаток идиоэтнического понимания бытия и самого человека [49, 1114].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения фразеологии с позиции антропологической парадигмы лингвистики, представляющей фразеологию «как одну из самых «антропоёмких» разделов науки о языке» [44, 92]. Актуальным представляется также тот факт, что исследование фразеологического фонда различных языков позволяет установить универсальное и идиоэтническое в парадигме ценностей сопоставляемых лингвокультурных

сообществ, выявить национально-культурный образ исследуемых этносов.

Объектом исследования являются фразеологические единицы (ФЕ) мансийского и русского языков, характеризующие интеллектуальные качества человека в дихотомии «умный – глупый», в пределах биполярного феномена «Человек в языке – язык в человеке». Предметом исследования является национально-культурное своеобразие фразеологических единиц, характеризующих интеллектуальные способности человека.

Для достижения поставленной цели, указанной в аннотации, нами решаются следующие задачи:

1) раскрыть способы выражения антропоцентризма языка во фразеологии мансийского и русского языков;

2) выявить во фразеологических фондах исследуемых языков фразеологизмы, репрезентирующие интеллектуальные качества человека в дихотомии «умный – глупый»;

3) сопоставить данные фразеологические единицы и выявить лингвокультурные универсалии и этноязыковые уникалии;

4) охарактеризовать образную составляющую ФЕ сопоставляемых языков сквозь призму ценностей мансийского и русского лингвокультурных сообществ.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили 45 мансийских и 72 русских фразеологических единиц, служащих средством репрезентации интеллектуальных качеств человека в дихотомии «умный – глупый», полученных приёмом сплошной выборки из следующих источников: мансийские фольклорные тексты – «Именитые богатыри Обского края» [14; 15; 16], «Медвежьи эпические песни манси (вогулов)» [24], «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» [26], «Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей» [5]; художественные поэтические произведения Ювана Шесталова на мансийском языке [52; 53; 54; 55]; личная картотека автора статьи, составленная в процессе работы с носителями языка (С. С. Динисламова, В. И. Иванова, Л. Н. Панченко, М. Т. Двинянинова, М. В. Кумаева); фразеологические словари на русском языке: «Фразеологический словарь русского литературного языка» А. И. Федорова [46], «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова [47] и «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова [48]. Из данных источников была произведена выборка фразеологизмов, в лексическом значении которых содержится указание на свойства человека, характеризующие его интеллектуальные способности в дихотомии «умный – глупый».

Лексикографических и фразеологических словарей по мансийскому языку не существует, что объясняется практически полным отсутствием исследований в области фразеологии, недостаточностью теоретического материала, обобщающего данные исследования, что, не в последнюю очередь, связано с трудоёмкостью сбора фактического материала ввиду экстремально малого числа носителей мансийского языка.

Методологической и теоретической базой исследования явились труды следующих учёных: В. фон Гумбольдт, Э. Бенвенист, В. Н. Телия, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, В. М. Алпатов, Маслова В. А., Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.

На сегодняшний день по некоторым вопросам фразеологии мансийского языка опубликованы статьи О. Ю. Динисламовой [8; 9; 10;

11; 12; 13]. В близкородственном мансийскому хантыйском языке существенный вклад в развитие хантыйской фразеологии внесла В. Н. Соловар [25; 34; 35; 36; 37; 43]. Исследованию фразеологии хантыйского языка посвящён также ряд работ, представленных А. И. Кузнецовой [20], А. Д. Каксиным [17], М. Е. Серасховой [30; 31; 32], З. С. Рябчиковой [29], Ю. Г. Миляховой [25], А. А. Сязи [38; 39; 40; 41; 42; 43].

Ведущими собственно лингвистическими методами при изучении параллельных идиоматических явлений в рассматриваемых языках являются сравнительно-сопоставительный и описательный методы. Частично использовался интерпретативный метод, приём сплошной выборки, а также собственно фразеологический метод идентификации.

Результаты

В лингвистике второй половины XX в. господствующую сциентистскую системно-структурную и статическую парадигму сменила парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возратившая переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, то есть на анализ человека в языке и языка в человеке. Именно в это время антропоцентризм, отнюдь не являющийся новым для лингвистической мысли, стал на более высоком основании служить развитию совершенно новой парадигмы в языкознании, вернувшей человека в центр мироздания, и становится базовым для естественной лингвистической экспансии, сближая лингвистику с философией, культурологией, социологией, психологией и другими областями научного познания.

Мысль о языке как категориальном свойстве человека впервые была сформулирована и разработана выдающимся немецким учёным Вильгельмом фон Гумбольдтом. Им же была выдвинута идея создания науки о языке на антропологических началах. Это утверждение признается исходным тезисом антропологической фразеологии. Он писал, что «изучение языка не исключает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа, цели познания человеческим духом самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [7, 383].

В период становления антропоцентрической парадигмы в лингвистике прочно укрепляются идеи Э. Бенвениста. Его тезис о неразрывной

связи языка и человека гласит: «Невозможно отобразить человека без языка и изобретающего себе язык. В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека. Именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект» [2, 293].

В отечественной лингвистике об антропоцентризме как основном принципе современной лингвистики, анализируя концепцию Э. Бенвениста, заговорил Ю. С. Степанов: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлён в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своём главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке» [2, 15].

Как справедливо отмечает другой отечественный лингвист, Ю. К. Волошин: «многие десятилетия лингвисты изучали «человека молчавшего» (язык был как бы сам по себе, а человек – сам по себе). Осознание необходимости изучать язык и человека комплексно, т.е. «говорящего человека», побудило исследователей уделить серьёзное внимание всем аспектам этой сложной проблемы» [3, 20].

Антропоцентризм, относимый сегодня к числу приоритетных принципов научного исследования, знаменует, по выражению Е. С. Кубряковой, «тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках», человек оказывается не просто вовлечённым в анализ тех или иных явлений, но определяет «перспективы этого анализа и его конечные цели» [18, 57].

В. М. Алпатов в своей работе «Об антропоцентрическом и системоцентрическом подходах к языку» отмечает, что именно антропоцентрический подход исторически первичен и заключается в том, что исследователь изучает язык как его носитель и опирается при этом на «осмысление и описание своих представлений носителя языка, часто именуемых лингвистической интуицией» [1, 15].

С позиций антропоцентризма человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нём. В современной лингвистике идея антропоцентричности считается ключевой. По мнению многих учёных, целью лингвистического исследования уже не может считаться просто выявление различных характеристик языковой системы. Учёные говорят о необходимости создания единой теории языка

и человека. В свете данного направления лингвистики на первый план выдвигаются следующие проблемы: 1) язык, мышление и сознание человека; 2) язык и духовная активность человека; 3) язык и познание; 4) язык и ценности человека; 5) язык и культура; 6) язык и общество; 7) язык и коммуникация; 8) язык и психика индивида; 9) язык и поведение человека; 10) язык и физиология человека и др.

Несомненным является тот факт, что введение антропологического принципа исследования языка позволит теоретически связать разнообразные моменты бытия языка, которые при других подходах изучались изолированно или вообще исключались из области научного рассмотрения.

В русле антропологической тенденции проводились исследования, объединяющие лингвистический, культурологический и этнографический подходы. Происходило движение лингвистики к выявлению механизмов взаимодействия таких фундаментальных систем как язык, культура, национальный менталитет, коммуникация и сознание. Результатом данных процессов в современной лингвистике в рамках антропоцентризма явилось выделение двух основных формирующихся направлений, – когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Когнитивная лингвистика вместе с когнитивной психологией и когнитивной социологией, образуя когнитологию, пытаются ответить на вопрос о том, как организовано сознание человека в принципе, как создаются ментальные пространства, как человек постигает и познаёт мир. Собственно когнитивная лингвистика исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия. По определению Е. С. Кубряковой и В. З. Демьянкова, когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации [19, 53–55]. Лингвокультурология же изучает язык как феномен культуры, выражающий менталитет нации, то, как культура народа отражается в его языке [23, 8].

Предметом исследования этой науки являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты

собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях (пословицах и поговорках) и т. д. [51, 994]. Опора на теоретические основы лингвокультурологии привело к формированию лингвокультурологического подхода, в рамках которого проводится настоящее исследование.

Как уже было сказано выше, объектом настоящего исследования является фразеологические единицы мансийского и русского языков в пределах биполярного феномена «Человек в языке – язык в человеке», выступающий в роли носителя информации о культуре манси и русских и отражающий их ментальность. Фразеологические единицы языка не только воспроизводят элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формируют их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры. По фразеологической картине мира нередко можно познать особенности мировосприятия того или иного народа, а наиболее ярким фрагментом данной картины является понятие «человек», который включает в себя множество других фрагментов, так или иначе характеризующих человека.

Внимание человека к собственной познавательной деятельности находит отражение в лексических и фразеологических единицах, репрезентирующих данный процесс. В различных культурах мира представление об интеллектуальных способностях человека выражено по-разному, что обусловлено исторической судьбой нации, её менталитетом.

Интеллектуальная сфера сопоставляемых языков находит своё воплощение через систему прямозначных лексем и комплекс образных выражений разной структурной и семантической организации. В мансийском языке такими прямозначными лексемами являются *номт* и *сăйт*. Слово *номт* обладает следующими значениями: 1) память; 2) мысль; 3) ум; 4) смысл [33, 72]. Понятие *номт* в мансийской языковой картине мира является сложным образованием. Данная лексема используется для выражения познавательной способности и её функционирования, для репрезентации определённых способностей человека, его умений и навыков, которые связаны с умственно-мыслительной деятельностью. Та-

ким образом, понятие *номт* воспринимается как интеллектуально-мыслительная способность.

Лексема *сăйт* в словаре Е. И. Ромбандеевой в переводе на русский язык имеет значение ‘толк’ [33, 105]. В словаре В. Н. Чернецова и И. Я. Чернецовой лексема *сăйт* переводится как ‘чувство, ощущение’ [50, 95]. По мнению информантов, данная лексема является многозначной: сознание, сознательность, осознание, осознанность, разум, разумность (С. С. Динисламова), сознательность, сообразительность, разумность (М. Т. Двинынинова); сознание, сознательность, чувствительность (Л. Н. Панченко); понимание, знание, сознание, осознанность (М. В. Кумаева); разумность, смыслённость (В. С. Иванова). Как видно, данные многочисленные значения слова могут свидетельствовать о том, что лексема *сăйт* также как и лексема *номт* является многозначной и имеет следующие основные синонимичные значения: сознание, сознательность, осознанность. Как полагает С. С. Динисламова, данная единица не имеет соответствующего эквивалента в русском языке и обозначает не конкретно мыслительную способность, а умственное развитие человека, наличие у него сформировавшихся знаний, умений и навыков, адекватных определённому возрасту, например: *Няврам номтың-сăйтыңыг ёмтыс* ‘Ребёнок повзрослел (букв.: ребёнок умным-сознающим стал)’; *Ойка-капай номтэ-сăйтэ тыпылтаңке патыс* ‘Дед стал глупеть (букв.: дед ум-сознательность терять начал)’ (устное сообщение С.С. Динисламовой).

Многозначность вышеприведённых лексем, заключающих в своём содержании понятия ментальной сферы, даёт право предполагать, что в их значении заложено понятие духовности. Данные лексемы отличаются своим ценностным статусом и занимают особое место в мансийской языковой картине мира, при этом именно лексема *номт* рассматривается как высшая интеллектуально-мыслительная способность человека.

В русском языке такими прямозначными лексемами при воплощении сферы интеллекта являются следующие слова: *ум, интеллект, разум, мышление, мысль, рассудок, сознание*. Все они трактуются через родовое понятие «способность». Согласно толковому словарю русского языка *мышление (мысль)* есть способность человека рассуждать; *ум* – способность человека мыслить; *интеллект* – мыслительная способность; *разум* – способность логически и творчески мыслить; *рассудок* – способность к рассуждению,

размышлению; *сознание* – способность человека мыслить, рассуждать и определять своё отношение к действительности [28]. Все вышеперечисленные определения можно применить к мансийской лексеме *номт*. Однако словарные толкования лексем выявляют лишь семантические нюансы, содержащиеся в их значениях, и никак не определяют онтологическую сущность данных феноменов. Структурировать же содержание данных понятий абстрактно-ментальной сферы русского, равно как и мансийского языков, проникнуть в их онтологическую сущность возможно лишь при обращении к образным единицам данных языков, описывающим данные феномены – фразеологизмам.

Исследуя фразеологизмы сопоставляемых языков, в первую очередь, следует говорить об их оценочности – качестве, производном от их эмоционального значения. Согласно определению В. Н. Телия, под оценкой понимается «суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства» [45, 109]. Наличие оценки во фразеологизмах, обозначающих интеллектуальные свойства личности, обусловлено тем, что «оценочные значения всегда релятивизированы к нормам бытия и создают ценностную картину мира, всегда в чем-то специфическую для данного языкового коллектива» [45, 11].

Умные и, в большей степени, глупые люди получают множество наименований, поскольку процесс их называния всегда сопряжён с известным всплеском эмоций. Высокая степень экспрессии потому и обусловила привлечение огромного количества образов для выражения ограниченного числа смыслов: «Интеллектуальная деятельность человека является одной из тех сфер процессуально-событийного мира, которые «притягивают» к себе значительное количество метафор, обладают в плане ассоциативно-образных связей большой центростремительной силой» [4, 298].

В зеркале языка мир изменён: материальные объекты, отражаясь в нем, претерпевают метаморфозы, а то, что в действительности увидеть нельзя, приобретает очертания. Носитель языка проводит параллели между объектами интеллектуальной сферы и предметами, их свойствами и действиями из других областей действительности, и при помощи такого инструмента, как язык, овеществляет бесплотное – делает чувственно воспринимаемыми ум, уровень интеллекта, размышление, мысль, понимание, знание, глупость, безумие, необразованность и многие другие объекты идеального мира [22, 5].

Лексико-семантическое поле «Интеллект человека», являясь уникальным по объёму и составу, отличается высокой экспрессивностью в обоих сопоставляемых языках, содержит большой процент образных слов, сохраняет количественное преимущество за словами с «живой» мотивацией, а, следовательно, служит «идеальным» материалом для когнитивной интерпретации [22, 4].

В ходе сопоставительного анализа мансийских и русских фразеологизмов, репрезентирующих интеллектуальные качества человека в дихотомии «умный – глупый», установлено, что базовыми лексемами-репрезентантами в их составе являются:

- в мансийском языке: *номт* ‘ум, мысль, память, смысл’, *пуңк* ‘голова’, *сәйт* ‘сознание, сознательность, осознанность, толк’, *оссам* ‘глупый’;
- в русском языке: *ум, голова, мозги, дурак, тупой*.

Итак, как было сказано, с точки зрения оценочности, фразеологизмы в сознании носителей мансийского и русского языков, интеллектуальные свойства личности отражают, в первую очередь, в дихотомии «умный – глупый», характеризующей наличие/отсутствие интеллекта у человека. Таким образом, интеллект – это ценность, его наличие оценивается всегда позитивно, отсутствие – негативно, следовательно, фразеологизмы, репрезентирующие наличие/отсутствие интеллекта, можно разделить на две группы: ФЕ с положительной и ФЕ с отрицательной оценкой.

Анализ данных групп фразеологизмов показывает, что и в мансийском и в русском языках наблюдается значительное преобладание ФЕ, обозначающих глупого, интеллектуально неполноценного человека по сравнению с ФЕ, репрезентирующих интеллектуально полноценного человека. Отобранный нами материал подтверждает, что при характеристике умственных способностей человека в обоих сопоставляемых языках преобладает отрицательная оценка. Так, например, нами обнаружено 37 ФЕ мансийского и 60 ФЕ русского языка, характеризующих глупого человека и 9 ФЕ мансийского и 15 ФЕ русского языка, характеризующих человека умного. Например, глупый человек в мансийском языке, в отличие от умного, обладает, следующими характеристиками: *Нёлэныл элаль ат кәсалы* ‘Глупый, недалёковидный (букв.: носа=своего дальше не видит)’; *Мәнь порат ул ёл пат-тыглавёс* ‘Глупый (букв.: в младенчестве его,

наверно, роняли)'; *Тулёвланэ ловиньтанкве ат вёрми, ос тув* 'Глупый (букв.: пальцы=свои сосчитать не может, а туда же)'; *Сайтмал матыр* 'Глупый, слабоумный (букв.: не имеющий ума (толка) некто)' и др. Примерами описания умственно неполноценного человека в русском языке могут являться следующие фразеологизмы: *тупой как валенок, глуп как пробка, не видеть дальше своего носа, пороха не выдумает, олух царя небесного, голова два уха, с головой не дружит, богом обиженный, богом убитый* и др.

Мансийский фразеологизм *Нёлэныл элаль ат кāsалы* 'Глупый, недалёковидный (букв.: носа=своего дальше не видит)' имеет полный русский эквивалент *не видеть дальше своего носа*.

Портрет умного, интеллектуально полноценного человека в наивном понимании носителей мансийского языка может выглядеть следующим образом: *Самың-палиң* 'Умный, смышлённый (букв.: глазастый-ушастый)'; *Осың-сайтың* 'Умный (букв.: внешность и толк, соответствующие возрасту)'. В русском языке умный человек может быть представлен образной основой следующих фразеологизмов: *семь пядей во лбу, ума палата* и др. Как видно из вышеприведённых примеров, у манси умный человек представляется как имеющий глаза и уши, а в русском языке как человек, имеющий больших размеров лоб/голову.

Анализ группы фразеологических единиц, характеризующей наличие/отсутствие ума в дихотомии «умный – глупый», позволил выделить следующий ряд метафор:

1. Метафора (образ) дерева и его частей

Важнейшим аспектом мифологии, обрядности и фольклора, в той их части, которая имеет отношение к деревьям, является устойчивая связь дерева и человека. И это вполне понятно, учитывая, что в широком смысле вся традиционная культура и народные знания «наивно антропоцентричны» – они порождены человеком, исходят от него и на него же ориентированы, ведь человек описывает мир (в том числе деревья) в терминах человеческого существования, по своему «образу и подобию».

В русском языке образ дерева и его частей часто используется в семантическом поле «интеллектуальные способности человека» в составе фразеологизмов, репрезентирующих умственно неполноценного человека: рус. *балда осиновая, чурка с глазами, дубовая башка, тупой как баобаб, дубина стоеросовая, балбешка стоеросовая,*

пень с глазами, пень берёзовый, тупой как дрова, тупой как полено, тупой как бревно, чурбан неотёсанный.

Т. В. Леонтьева полагает, что «глупый человек ассоциируется с деревом, поскольку древесина вообще отличается прочностью. Мотив «твёрдый» восходит к сквозному мотиву «с трудом поддающийся внешнему воздействию» и далее к мотивационной доминанте «неспособный выполнять функцию восприятия (об органе мышления или человеке)» [22, 125].

В отличие от русского в мансийском языке нами не было обнаружено ни одного фразеологизма, имеющего в своём составе образа какого-либо конкретного дерева. Однако косвенным образом содержание данной метафоры может реализовываться в виде образов частей дерева вообще, например: *Йивсуп хурина* 'Глупый (букв.: похожий на бревно)'; *Пунк пенсылэ аквтон ййв поталы* 'Глупый, несообразительный (букв.: вместо головы будто полено)'; *Самың аңквал* 'Глупый, тупой (букв.: глазастый пень)'.

Таким образом, в то время как в русской фразеологии образ глупого человека метафорически уподобляется деревьям и частям деревьев, таким как чурка, дубина, пень, дрова, полено, чурбан, бревно, то в мансийском языке мы хоть и обнаруживаем уподобление глупого человека бревну, полену, пню, но не находим аналогичного уподобления собственно деревьям. Фразеологизмов, содержащих в своём составе метафору частей дерева при репрезентации глупости, в мансийском языке существенно меньше, чем в русском. Так, нам не удалось обнаружить какого-либо сходного аналога русским фразеологизмам с разными основами 'дубина' (палка с утолщением на конце), 'дрова'.

Отмечая тот факт, что слова 'бревно', 'дубина', 'пень', 'полено', 'чурбан', 'чурка', 'дрова' в прямом значении обозначают необработанные куски дерева или деревянные изделия, имеющие очень простую, примитивную форму, В. В. Глушкова выдвигает предположение о том, что для появления переносных наименований глупого человека имеет значение именно тупая, незаострённая форма деревянных предметов [6, 238]. Таким образом, необработанность деревянного изделия в случае упоминания деревянной заготовки даёт коннотацию «плохо изготовленный» (о человеке), которая выводит образ глупого человека, дурака как неудавшегося творения, недочеловека.

Образ дерева и его частей не встречается во фразеологизмах, репрезентирующих умного человека, в обоих сопоставляемых языках.

2. Метафора (образ) животных

По мнению исследователей, во фразеологии всех языков наиболее частотными являются образы, восходящие к животному миру. Стремясь охарактеризовать своё поведение, чувства, состояние, внешность, человек прибегал к сравнению с тем, что было ему ближе всего. Человек никогда не обходился без животных, поскольку они всегда играли значительную роль в жизни каждого народа, с древних времён сосуществуя в тесном взаимодействии друг с другом. Именно поэтому их образы занимают прочное место в построении фразеологических единиц каждого развитого языка.

Фразеологизмы с компонентами зоонимами, могут, в том числе, служить основой для негативной характеристики человека по интеллекту, что подтверждает тезис о том, что зоонимы относятся к наиболее древнему пласту лексики во всех языках мира. В основе переноса лежат наблюдения за особенностями поведения животных, например: манс. *Пу́нктāл āлн* 'Глупый, безголовый (букв.: беззубый таймень (рыба))'; *Пу́нкын сиськурек пу́нк* 'Глупый (букв.: голова=твоя петушиная голова)'; рус. *куриная башка, ежовая голова, баранья голова, тупой как осёл*.

В ходе сопоставления данных фразеологизмов нами была зафиксирована единственная эквивалентная пара, репрезентирующая отсутствие ума, где образными основами являются 'петушиная голова' и 'куриная башка' в мансийском и русском языках соответственно. В целом, фразеологизмов с зоонимическим компонентом, характеризующих отсутствие ума, в мансийском языке меньше, чем в русском. Объяснение данному факту можно обнаружить в традиционных представлениях манси об окружающем мире. Живя в тесном взаимодействии и гармонии с окружающим миром, природой, манси никогда не считали человека выше их. В отличие от европейских культур, где человек – царь природы, для обских угров природа одухотворена и является субъектом взаимодействия. Традиционное почитание обскими уграми не только стихий природы, но и почитание животных – анимализм, – выводят к ним соответствующее отношение. Именно поэтому манси не наделяли животных отрицательными характеристиками в плане их умственных способностей, поскольку данные способности попросту не подвергались

сомнению, принимались как нечто само собой разумеющееся.

3. Метафора (образ) вместилища

В обоих сопоставляемых языках в ходе исследования была выделена концептуальная метафора вместилища, требующая отдельного дальнейшего, более тщательного и подробного исследования, поскольку в обоих сопоставляемых языках имеется достаточно большое количество фразеологизмов, содержащих в себе данную концептуальную метафору при репрезентации положительной и отрицательной характеристики человека по интеллекту. В связи с данным фактом, в рамках статьи укажем лишь некоторые наиболее существенные факты, связанные с реализацией данной метафоры в мансийском и русском языках.

Большая часть фразеологизмов мансийского и русского языков с образной метафорой вместилища, имеют в своём составе стержневые соматические компоненты *пу́нк* 'голова' и *голова* соответственно.

Голова как вместилище отвечает за мыслительную деятельность человека. Неслучайно некоторые фразеологические единицы характеризуют умного и глупого человека с точки зрения наличия или отсутствия у него головы: манс. *Аквтон пу́нктāл* 'Глупый (букв.: как-будто безголовый)'; *Пу́нктāл-номттāл* 'Глупый (букв.: без головы-без ума)'; рус. *без головы*; манс. *Пу́нкын хōтпа* 'Умный (букв.: головастый человек)', рус. *с головой*.

Описание процессов, происходящих в голове и скрытых от непосредственного наблюдения, с помощью метафоры вместилища доказывает взаимосвязь соматического и пространственного кодов культуры обоих языков. Данная метафора тесно связана с концептуальной метафорой 'ум (разум)' – 'вместилище', описанной в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» [21, 54].

Анализ фразеологических единиц с соматическими компонентами *пу́нк* 'голова' и *голова* в составе наглядно показывает структуру головы как вместилища, состоящего из внутреннего и внешнего пространства, между которыми существует граница. Нечто может находиться в голове, находиться вне головы или проникать через её границу (поверхность). Поэтому голова может быть пустой: манс. *Татыл пу́нк* 'Глупый, тупой (букв.: пустая голова)'; рус. *пустая голова*; или наполненной: манс. *Пу́нке аквтон āхвтасыл тохрувēs* 'Глупый, несообразительный (букв.:

голову=его будто камнями набили)’, рус. *голова мякиной (соломой) набита*, *мякинная голова*, *каша в голове*, *опилки в голове*. При этом отсутствие содержания выражено фразеологической единицей с фиксированной в значении отрицательной рациональной оценкой (пустой).

В мансийском языке наличие ума человека при реализации метафоры головы как вместилища находит своё выражение во фразеологизме: *Пуңкен тара паты (вѳг)* ‘Умный, сообразительный (букв.: в голову=его сразу падает (берѳт))’. В русском языке метафора головы как вместилища находит отражение в виде фразеологизма *с царѳм в голове*.

Возможное отсутствие содержания в голове ума, интеллекта во фразеологизмах мансийского языка репрезентировано следующими лексемами: *Вѳт* ‘ветер’: *Пуңкынт вѳт яласы* ‘Легкомысленный, несерьѳзный, глупый (букв.: в голове=твоей ветер гуляет)’; *Пуңкет тай вѳт вѳтгасылы* ‘Легкомысленный, несерьѳзный, глупый (букв.: в голове=его ветер дует)’; *Йѳв поталы* ‘полено’: *Пуңк пенсылэ аквтон йѳв поталы* ‘Глупый, несообразительный (букв.: вместо головы будто полено)’; *Ахвтас* ‘камень’: *Пуңке аквтон ахвтасыл тохрувѳс* ‘Глупый, несообразительный (букв.: голову=его будто камнями набили)’.

В русском языке содержание головы во фразеологизмах с негативной оценкой глупого человека репрезентировано значительно большим количеством лексем:

- Ветер: *ветер в голове (гуляет)*;
- Сквозняк: *со сквозняком в голове*;
- Винтики: *винтиков в голове не хватает*;
- Каша: *каша в голове*;
- Мякина: *голова мякиной набита*, *мякинная голова*;
- Солома: *голова соломой набита*, *солома в голове*;
- Царь: *без царя в голове*.

Таким образом, можно предположить, что голова во фразеологизмах мансийского и русского языков с данными лексическими компонентами уподобляется самым разным типам вместилищ: помещению – манс. *Пуңкынт вѳт яласы* ‘Легкомысленный, несерьѳзный, глупый (букв.: в голове=твоей ветер гуляет)’, рус. *ветер в голове гуляет*, *со сквозняком в голове*; собственно некоей ёмкости – манс. *Пуңке аквтон ахвтасыл тохрувѳс* ‘Глупый, несообразительный (букв.: голову=его будто камнями набили)’, рус. *голова*

мякиной набита, *голова соломой набита* (уподобление мешку, чучелу), *каша в голове* (уподобление посуде); механизму – рус. *винтиков в голове не хватает*; дворцу, тронному залу – *без царя в голове*.

В рамках метафоры вместилища в мансийском и русском языках нами были выделены такие фразеологизмы как: манс. *Пу́тсовын ат пайтахты* ‘Глупый (букв.: котелок=твой не кипит)’; рус. *голова не варит*, *котелок не варит*. Данные единицы совпадают в плане содержания, однако в плане выражения в языках участвуют лексемы с различным значением, при этом в мансийском примере стержневой компонент ‘голова’ метафорически подменен образом котелка, тогда как в русском языке в составе данных фразеологизмов равнозначно могут быть использованы две лексемы – собственно ‘голова’ и ‘котелок’.

Для репрезентации умного человека в русском языке используются фразеологизмы со значениями, противоположными вышеприведѳнным ФЕ: *голова варит*, *котелок варит*. В мансийском языке подобных фразеологизмов зафиксировано не было.

Во всех указанных ФЕ метафора вместилища реализуется посредством уподобления посуде: кастрюле, котелку с готовящейся пищей. При этом образность мансийского фразеологизма создаѳтся совокупностью вещной и пространственной метафор, а образность русского фразеологизма – совокупностью соматической, вещной и пространственной метафор, где голова как верхняя часть тела человека уподобляется крупному сосуду (котлу), а процесс обдумывания, понимания – кипению или варению в данном сосуде пищи.

В мансийском языке метафора вместилища также может реализовываться следующим образом: *Пуңке ат рѳпниты* ‘Не соображающий, глупый (букв.: голова=его не работает)’; *Пу́тсовын насати рупиты* ‘Умный (букв.: котелок=твой, оказывается, работает)’ – уподобление механизму; *Пуңкын тара вѳтаве* ‘Глупый, рассеянный (букв.: голову=твою насквозь продувает)’ – уподобление помещению; *Пуңкет мось ат товылхаты* ‘Слабоумный (букв.: в голове=его немного не хватает)’ – уподобление собственно некоему вместилищу (контейнеру, ёмкости).

Таким образом, осмысление значения лексем *пуңк* ‘голова’ и *голова* связано с аллегорическим представлением о голове как физическом

вместилище мыслей, идей, памяти и т.п., а также носитель психо-эмоциональных состояний. Проанализированная метафорическая модель головы как вместилища в составе фразеологизмов является универсальной для обоих сопоставляемых языков при репрезентации глупого, интеллектуально неполноценного человека.

Общей чертой для обоих сопоставляемых языков является тот факт, что лексемы *пунк* 'голова' и *голова* в составе ФЕ при репрезентации интеллекта метафорически могут иметь:

- необычный, невозможный в действительности признак или состояние органа мышления: манс. *Посың пунк* 'Умный (букв.: светлая голова)'; *Асың пунк* 'Глупый, забывчивый (букв.: дырявая голова)'; рус. *светлая голова*, *дырявая голова*. Данные примеры являются абсолютно эквивалентными в сопоставляемых языках, что свидетельствует о схожести языковой картины мира манси и русских: положительная характеристика интеллекта человека в языках метафорически связывается с образной коннотацией наличия света, освещенности в голове (светлая голова); образное нарушение целостности головы (дырявая голова) эксплицируют проницаемость границы между внутренним и внешним пространством головы, представляет неспособность головы как вместилища удерживать во внутреннем пространстве необходимое наполнение (содержание).

- необычный, неестественный материал, приписываемый органу мышления, замещение содержимого головы или самой головы данным материалом: манс. *Пунк пенсылэ аквтоп ййв поталы* 'Глупый, несообразительный (букв.: вместо головы будто полено)'; *Пунк пенсылэ аквтоп татыл кёр/тёр пунт* 'Глупый, тупой (букв.: вместо головы будто пустой железный котёл)' и др.; рус. *дубовая голова*, *голова еловая*, *чугунная голова*, *золотая голова* и др. Общим для обоих языков в данных ФЕ является отражение отрицательной переносной семантики, связанной с твердыми материалами – деревом (полено, дубовая, еловая), неблагородными металлами и сплавами (железный, чугунная) – при репрезентации отсутствия ума, интеллекта. В русском языке наличие ума может выражаться с помощью ФЕ с отражением положительной переносной семантики на основе уподобления благородному металлу – *золотая голова*. В мансийской фразеологии подобных единиц не было обнаружено.

В русском языке, в целом, диапазон сочетаемости лексемы 'голова' с прилагательными, в

которых оцениваются умственные способности человека, значительно шире, чем в мансийском. Например, таким русским ФЕ как *дурная голова*, *дурья голова*, *золотая голова*, *худая голова*, *бесталанная голова*, *мякинная голова*, *голова садовая*, *баранья голова* и т. п. в мансийском языке эквивалентов нет. Однако и в мансийском языке имеются ФЕ, не имеющие эквивалентов в русской фразеологии, например: *Сиськурек пунк* 'Глупый (букв.: петушиная голова)'; *Пунке люль* 'Глупый, дурак, тронутый (букв.: голова=его плохая)'; *Пунке ёмас* 'Умный, сообразительный (букв.: голова=его хорошая)'.

Итак, фразеологизмы с компонентами *пунк* и *голова* в обоих сопоставляемых языках имеют переносное значение 'разум, ум'. Голова и в мансийском, и в русском языках осмысливается как инструмент, управляющий рассудком и мышлением. Голова как воплощение человеческого духа и жизненной силы является символом высшей человеческой ценности. Выступая как одна из важнейших характеристик человека, именно голова определяет его способности и возможности.

Существенным различием сопоставляемых языков является тот факт, что в квалификации умственных способностей человека в дихотомии «умный – глупый» в русском языке помимо головы активно задействованы ещё два центробразующих соматических компонента – 'мозг' и 'лоб': *с мозгом*, *хорошие мозги*, *мозги набекрень*, *мозги не на месте*, *куриные мозги*, *чугунные мозги*, *три извилины в мозгу (и все параллельные)*, *одна извилина в мозгу и та прямая*; *медный лоб*, *толоконный лоб*. В ходе исследования в мансийском языке нами не было зафиксировано ни одного фразеологизма, имеющего в своём составе лексемы *валм* 'мозг(и)' и *вильтъят* 'лоб', что свидетельствует о том, что данные соматизмы не используются для концептуализации качеств интеллектуальной деятельности человека. Главной причиной этого, на наш взгляд, является своеобразие мансийского менталитета: в мансийской народной культуре существует представление о том, что умственной деятельностью, прежде всего, управляет *номт* 'ум' как совокупность способностей к мышлению, познанию, пониманию, восприятию, запоминанию, обобщению, оценке и принятию решения, а лексемы *валм* 'мозг(и)' и *вильтъят* 'лоб' используются исключительно в прямом смысле для обозначения мозга как органа и лба как части головы.

В мансийском языке при описании умного человека посредством слова *номт* 'ум'

используются следующие фразеологизмы: *Так номт* ‘Умный (букв.: крепкий ум)’; *Посың номт* ‘Умный (букв.: светлый ум)’; *Тõрум номтыл ат салитавес* ‘Умный, одарённый (букв.: Торум ума ему не пожалел)’ и др. Данные фразеологизмы имеют следующие эквиваленты в русском языке: *цепкий ум, светлый ум, острый ум, Бог умом не обидел*.

Мансийская ФЕ *Посың номт* ‘Умный (букв.: Светлый ум)’ в плане выражения и содержания имеет абсолютный аналог в русском языке в виде ФЕ *светлый ум*. В исследуемых языках также наблюдается совпадением мансийской ФЕ *Так номт* ‘Умный (букв.: крепкий ум)’ и русских ФЕ *цепкий ум, острый ум*. Однако данное совпадение реализуется лишь в плане содержания, в плане выражения в языках участвуют лексемы с различным значением.

Глупый человек в мансийском языке представляется как: *В̄ати номт* ‘Глупый, неразумный (букв.: короткий ум)’; *Тõпал номт* ‘Глупый, тупой (букв.: плохой ум)’; *Номтэ ат товылхаты* ‘Слабоумный, глупый (букв.: ума ему не хватает)’; *В̄агт̄ал номтуп* ‘Слабоумный, глупый (букв.: слабый умом)’; *Тõрум номт ұртнэ м̄ан ат̄ алымас* ‘Глупый, бездарный (букв.: к месту, где Торум раздавал ум, не успел)’ и др. В русском языке отрицательная характеристика глупого человека посредством лексемы ‘ум’ реализуется в виде следующих фразеологизмов: *бог ума пожалел, бог ума не дал*.

Очевидно, что при репрезентации умного человека мансийский фразеологизм *Тõрум номтыл ат салитавес* ‘Умный, одарённый (букв.: Торум ума ему не пожалел)’ имеет полный аналог в русском языке – *бог умом не обидел*. Их образная основа очень близка: и манси и русские представляют умного человека, интеллектуала как одарённого высшими силами – *Тõрум*’ом и богом соответственно. Следовательно, глупого человека можно представить как не одарённого, а напротив, как не наделённого или даже обделённого высшими силами. Данные представления в виде фразеологизмов также имеют место в обоих сопоставляемых языках. Так, мансийская ФЕ *Тõрум номт ұртнэ м̄ан ат̄ алымас* ‘Глупый, бездарный (букв.: к месту, где Торум раздавал ум, не успел)’ имеет русский эквивалент в виде ФЕ *бог ума пожалел, бог ума не дал*. Данные фразеологизмы в исследуемых языках являются довольно близкими в плане смыслового содержания, в плане же выражения в языках участвуют разные лексемы.

При описании оценочной дихотомии «умный – глупый» в мансийской и русской языковой картинах мира обнаруживается явная общая черта: преклонение перед разумом, прославление ума непоследовательно сочетается с уважительным отношением к неразумию, с прощением глупости. И умный и глупый человек могут в равной степени рассчитывать на снисхождение. Особенно отчётливо данное противоречие находит отражение в русском языке в образе дурака – «символе русской культуры» [27, 122]. В русском языке образ дурака (дурня) в составе фразеологизмов объективируется довольно широко: *набитый дурак, петый (отпетый) дурак, круглый дурак, непроходимый дурень, дурак дураком*. В мансийском языке не существует собственно прямозначных лексем для репрезентации дурака. Данный образ реализуется посредством сочетания имени прилагательного *оссам* ‘глупый’ с именами существительными, например: *Оссам пала* ‘Глупый (букв.: глупая половина)’; *Оссам туйкуп* ‘Бестолковый (букв.: глупый туйкуп (значение слова туйкуп неизвестно))’; *Оссам хола* ‘Глупый (букв.: глупый мертвец)’; *Оссам пуйтуп* ‘Глупый (букв.: глупая задница)’.

Анализ мансийского языкового материала позволил выделить два фразеологизма с компонентами-именами собственными для репрезентации глупого человека: *Оссам Ванька* ‘Бестолковый, глупый (мужчина) (букв.: глупый Ванька)’; *Оссам Руня* ‘Бестолковая, глупая (женщина) (букв.: глупая Груня)’, где имена собственные являются заимствованными из русского языка, а ФЕ, содержащие данные имена собственные, противопоставляются по гендерному признаку. Происхождение данных ФЕ, по всей вероятности, связано с тем, что манси, воспринимая русских как недостаточно проворных и расторопных в быту, переносили данные качества и на сферу интеллекта, ср. *Нёвлам Ванька āgi* ‘Медлительная, вялая девушка (букв.: вялого Ваньки дочь)’.

В русском языке фразеологизмов с эквивалентным значением выявлено не было. Нами был выделен единственный русский фразеологизм с именем собственным *валять (ломать, корчить) ваньку*, как непосредственно относящийся к полю интеллекта человека. Однако данный фразеологизм не содержит в себе собственно прямого указания на отсутствие ума человека как его интеллектуальной характеристики, а означает действие со значением ‘дурачиться, паясничать, потешать глупыми выходками, делать глупости’. Данный фразеологизм

аналогичен по значению мансийской ФЕ *Осса-мыг в̄рхатуңкве* 'Дурачиться, делать глупости (букв.: Глупым делаться (притворяться))'.

Примечательно, что в составе фразеологизмов обоих сопоставляемых языков смыслообразующим компонентом является имя собственное Ванька – типично русское имя, широко распространенное на Руси и имеющее широкое бытование в произведениях русского фольклора (Иван-дурак, Иванушка-дурачок). Образ Ивана-дурака является типично традиционным русским образом и отражает связь с социумом, с родом, содержит социальную характеристику личности. Именно по этой причине имя Иван, на наш взгляд, прочно укрепилось в русском фольклоре как отражении народного сознания русских людей, а уже много позже обосновалось не только в сознании мансийского народа, став типичным и распространенным среди манси мужским именем, но и проникло в мансийский фольклор в образе *Ваньки-Турака* [26, 116–140].

В русском языке образ умной, рассудительной женщины объективируется посредством фразеологизма *Василиса премудрая*, также имеющего фольклорное происхождение. В мансийском языке умный человек представлен фразеологизмом с антропонимом *Тõрум* (см. выше *Тõрумн номтыл ат салитавес* 'Умный, одаренный (букв.: Торум ума ему не пожалел)').

Таким образом, антропоцентрический подход при репрезентации интеллектуальных качеств человека учитывает роль человеческого фактора в языке, при этом вместо опоры на форму предполагается опора на содержание, вместо фокусирования на механизме, лежащем в основе языка, внимание исследователя сосредотачивается на применении языка. При этом главной конституирующей характеристикой человека, его важнейшей составляющей считается язык. Вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи немыслим был бы как сам человек, так и его восприятие мира, его духовная, мыслительная и интеллектуальная сущность. Иными словами, если бы язык не был способен создавать новые ментальные пространства, если бы он не вторгался во все мыслительные процессы, то человек так никогда и не вышел бы за рамки непосредственно наблюдаемого, ведь именно создаваемый человеком текст отражает движение человеческой мысли, строя при этом всевозможные миры и запечатлевая в себе способы представления и динамику мысли с помощью средств языка.

Обсуждение и заключения

Результаты проведенного исследования являются подтверждением того, что фразеологическая картина мира в полной мере реализует принцип антропоцентризма, поскольку представляет собой образное картирование действительности и самого человека как её части в призме национального восприятия.

Говоря о фразеологизмах антропоцентрической направленности мансийского и русского языков при репрезентации интеллектуальных качеств человека в дихотомии «умный – глупый» в составе группы фразеологизмов, характеризующей наличие/отсутствие ума, в первую очередь, хотелось бы отметить значительное превалирование фразеологизмов, содержащих отрицательную характеристику глупости, через которую осознается положительная оценка наличия ума, в обоих исследуемых языках. Так, в мансийском языке из 46 исследуемых фразеологизмов 37 ФЕ (80,4%) репрезентируют глупого и 9 ФЕ (19,6%) – умного человека. В русском языке было выделено 75 фразеологизма, из которых 60 ФЕ (80%) используются при репрезентации глупого и 15 ФЕ (20%) при репрезентации умного человека. Приведенная статистика демонстрирует, что процентное соотношение в обоих сопоставляемых языках при репрезентации интеллектуальных качеств человека в дихотомии «умный – глупый» является практически одинаковым. Преобладание фразеологизмов с отрицательной оценкой подтверждает мысль о том, что процесс возникновения наименований интеллектуально неполноценных людей в обоих исследуемых языковых сообществах всегда связан с высокой степенью эмоционального всплеска по отношению к ним. Как правило, интеллектуально полноценный человек не вызывает столь ярких и сильных эмоций, поэтому доля фразеологизмов с положительной оценкой наличия интеллекта всегда будет значительно меньше доли фразеологизмов, негативно оценивающих отсутствие интеллекта.

Необходимо отметить, что список фразеологизмов мансийского и русского языков, исследуемых в данной статье, не является окончательным и закрытым, так как пополнение поля «Интеллект человека» новыми языковыми единицами, провоцируемыми неугасающей экспрессией, не прекращается в настоящее время и, с высокой долей уверенности, смеем предположить, будет осуществляться впредь в обоих языках ввиду их постоянного и непрерывного развития.

Данные, полученные в результате анализа на материале мансийской и русской фразеологии, позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, фразеология как составная часть языковой картины мира является одним из значимых источников интерпретации концептов в плане реализации их национально-культурной специфики. Во-вторых, понятия «умный» и «глупый» в обоих языках обнаруживают высокую степень языковой репрезентации на фразеологическом уровне, что свидетельствует об их значимости в обеих языковых картинах мира. В-третьих, понятия «умный» и «глупый», как показал проведённый анализ, можно считать абсолютными антонимами, однако маркированным следует признать все же понятие «глупый» в обоих языках.

В-четвертых, анализ фразеологического фонда мансийского и русского языков помог выявить этноязыковые универсалии и культурно-значимые ментальные различия сопоставляемых языков. Так, в результате проведённого исследования было установлено, что средствами выражения интеллектуальной оценки человека в дихотомии «умный – глупый» в исследуемых языках являются следующие образные основы: зооморфизмы (манс. петух, таймень; рус. баран, ёж, курица, осёл); соматизмы (манс. голова, глаза, нос, зубы, пальцы, уши, задница; рус. голова, башка, мозги, лоб, нос, извилины, уши); предметы (манс. котёл, полено, бревно, пень; рус. балда, балбешка, винтики, пробка, дубина, пень, чурбан, чурка, валенок, котелок); явления (манс. ветер, сквозняк; рус. ветер, сквозняк); процессы (манс. кипение; рус. варка (варение)); антропонимы (манс. Ванька, Груня, Торум; рус. Василиса); антропоморфизмы (манс. мертвец; рус. царь, бог, олух); материалы (манс. дерево, камень, железо; рус. дерево, чугун, золото); фитонимы (рус. баобаб, осина, ель, дуб, берёза); объекты быта, хозяйства: (манс. кипящая вода; рус. каша, кипящая еда, мякина, солома, толокно, опилки, порох); фулизмы (манс. глупый; рус. дурак, дурень, тупой).

В мансийском языке при репрезентации интеллекта человека во фразеологизмах используются различные виды образных основ, за исключением фитонимов, что объясняется различием между этносами в традиционном восприятии окружающего мира. Ещё одной характерной отличительной чертой в образных основах языков является тот факт, что одной из языковых единиц, используемых для обозначения и оценки ума человека в русском языке, является слово

‘дурак’, ставшее своеобразным национально-культурным кодом. В мансийском языке подобных прямозначных лексем не существует. Несмотря на внешнее сходство вышеперечисленных образных основ исследуемых языков и даже их частичное совпадение, в большей части случаев нами было выявлено их лексическое, а также коннотативное несоответствие.

В составе исследуемых фразеологизмов в обоих языках активно используются имена прилагательные, описывающие различные свойства, качества и признаки:

- В мансийском языке: *ёмас* ‘хороший’, *самың* ‘глазастый’, *посың* ‘светлый’, *пункың* ‘головастый’, *палиң* ‘ушастый’, *так* ‘крепкий’ – при положительной оценке интеллекта; *пунк-тāl* ‘безголовый, беззубый’ омон., *асың* ‘дырявый’, *вāгтāl* ‘слабый’, *вати* ‘короткий’, *оссам* ‘глупый’, *татыл* ‘пустой’, *кёр/тёр* ‘железный’, *лёлъ* ‘плохой’ – при отрицательной оценке интеллекта;

- В русском языке: *осиновый, баранья, бесталанная, обиженный, убитый, еловый, садовый, стоеросовый, дубовый, дурной, дырявый, ежовый, круглый, куриный, медный, набитый, непроходимый, небесный, берёзовый, петый (отпетый), пустой, толокенный, тупой, худой, чугунный, неотёсанный* – при отрицательной оценке интеллекта; *премудрый, золотой, острый, светлый, хороший, цепкий* – при положительной оценке интеллекта.

Среди данных имён лингвокультурными универсалиями для сопоставляемых языков являются следующие: *хороший, дырявый, плохой (худой), глупый (тупой), пустой, светлый*. Большая же часть прилагательных является этноязыковыми уникалиями в исследуемых языках.

Ещё одной отличительной чертой между сопоставляемыми языками является тот факт, что в дихотомии «умный – глупый» в русском языке имеет место метафорическое проецирование на дихотомию «острый – тупой», что не характерно для мансийского языка (ср. круглый дурак, глуп как пробка; острый ум, цепкий ум).

Для познания неуловимого, ускользающего человек устанавливает подобие между идеальными сущностями и собственными представлениями о материальном мире, стремится к о вещественности бесплотных понятий через посредство хорошо знакомых ему образов, сформировавшихся на основе его понимания действительности – предметов и отношений между

ними, – что находит своё отражение в виде метафорических образов, заключённых в составе языков. Анализ фразеологизмов, характеризующих наличие/отсутствие ума в дихотомии «умный – глупый» в исследуемых языках, позволил выделить в них такие универсальные метафорические образы как: образ дерева и/или его части, образ животных, образ вместилища.

При реализации **метафоры дерева** в мансийском языке в отличие от русского нами не было обнаружено ни одного фразеологизма, имеющего в своём составе данный образ. Содержание данной метафоры реализуется посредством образов частей дерева. В целом, фразеологизмов, содержащих в своём составе метафору дерева/его частей при репрезентации глупости, в мансийском языке существенно меньше, чем в русском. Общим для сопоставляемых языков является тот факт, что данная метафора не встречается во фразеологизмах, репрезентирующих умного, интеллектуально полноценного человека.

В ходе сопоставления фразеологизмов, содержащих **метафору животных**, нами была зафиксирована единственная эквивалентная пара, репрезентирующая отсутствие ума – манс. 'петушиная голова' и рус. 'куриная башка'. Фразеологизмов с зоонимическим компонентом, характеризующих отсутствие ума, в мансийском языке меньше, чем в русском. Данный факт объясняется традиционным почитанием обскими уграми стихий природы и животных.

В обоих сопоставляемых языках в ходе исследования была выделена концептуальная **метафора вместилища**, требующая более тщательного и подробного исследования. Большая часть фразеологизмов мансийского и русского языков с образной метафорой вместилища, имеют в своём составе стержневые соматические компоненты *пунк* 'голова' и *голова* соответственно, причём анализ фразеологических единиц с данными соматическими наглядно показывает структуру головы как вместилища, состоящего из внутреннего и внешнего пространства, между которыми существует граница. Данная метафорическая модель универсальна для обоих сопоставляемых языков. Так, в ходе исследования было выяснено, что 18 ФЕ из 46 примеров мансийского и 31 ФЕ из 75 примеров русского языков имеют в своём составе компонент 'голова'. Универсально это связано с тем, что соматическое и народное представления обоих языковых сообществ сливаются воедино. Голова – это не только часть тела человека, но и место, где хранятся знания. Соответственно, если

это место цело, невредимо и находится на своём месте, человек считается умным. Однако в случае наличия у этого вместилища какого-либо дефекта, который приводит к отсутствию нужного или присутствию ненужного «заполнителя», человека считают глупым. Данные факты являются общими для обоих исследуемых языков.

Существенным отличием от мансийского языка является тот факт, что в квалификации умственных способностей человека в русском языке помимо головы активно задействованы ещё два центрообразующих соматических компонента – 'мозг' и 'лоб'. В мансийском языке в составе фразеологизмов данные компоненты не используются, поскольку в народной культуре существует представление о том, что умственной деятельностью, прежде всего, управляет *номт* 'ум'.

При описании оценочной дихотомии «умный – глупый» в мансийской и русской языковой картинах мира обнаруживается ещё одна общая черта: преклонение перед разумом, прославление ума непоследовательно сочетается со снисходительным, и даже уважительным отношением к неразумию, с прощением глупости.

Наконец, в целом можно говорить о значительном сходстве семантики рассмотренных фразеологизмов в мансийском и русском языках. К чертам национальной специфики можно отнести неравномерность распределения фразеологизмов по некоторым группам, наличие групп, включающих в себя фразеологизмы только одного языка.

В целом, анализ фразеологизмов, характеризующих интеллектуальные качества человека, позволяет констатировать, что оценочная номинация интеллектуальных особенностей человека в русском языке представлена более обширно и разнообразно, чем в мансийском. Русская языковая картина мира располагает большим количеством средств при репрезентации интеллекта человека. Основной причиной данного факта является различное членение носителями языков объективной действительности. Так, определённые предметы, явления могут иметь большее значение для представителей русского народа, но иначе воспринимаются или переосмысляются, или же вообще не воспринимаются и никак не переосмысляются представителями манси, что обусловлено различиями в перцепции окружающей действительности, особенностями менталитетов, национальных характерам, систем ценностей, культурно-историческом наследии, образе мышления и т. д.

Список источников и литературы

1. Алпатов В. М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 15–18.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Пер. с фр., общ. ред., вступ. ст. и коммент. Ю. С. Степанова]. М.: Едиториал УРСС, 2002. 448 с.
3. Волошин Ю. К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2000. 282 с.
4. Воронина Т. М. Интеллектуальная деятельность человека в образном представлении (на материале глагольной метафоры) // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2000. С. 298–306.
5. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Сост. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. 648 с.
6. Глушкова В. В. Номинативная модель «дерево – человек» в русском и болгарском языках // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 238–241.
7. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
8. Динисламова О. Ю. «Внешний человек» во фразеологической картине мира манси // Вестник угроведения. 2016. № 1 (24). С. 23–29.
9. Динисламова О. Ю. Фразеологическая картина мира народа манси // Ежегодник финно-угорских исследований. 2013. № 2. С. 29–34.
10. Динисламова О. Ю. Функционирование лингвокультурного концепта сым ‘сердце’ в мансийской языковой картине мира // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: сб. ст. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящённой 25-летию Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, 25 ноября 2016). Ч. 1: Филологические исследования. Тюмень: Формат, 2017. С. 106–125.
11. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация базовой эмоции ‘гнев’ в мансийской фразеологической картине мира // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 28–35.
12. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация базовой эмоции ‘страх’ в мансийском языке (на материале соматических фразеологических единиц) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 4. С. 7–19.
13. Динисламова О. Ю. Языковая репрезентация базовых эмоций ‘радость’, ‘печаль’ в мансийской языковой картине мира (на материале соматических фразеологизмов) // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 19–30.
14. Именитые богатыри Обского края. Книга вторая. Ханты-Мансийск: Изд-во Юграфика. 2012. 171 с.
15. Именитые богатыри Обского края. Книга третья. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 204 с.
16. Именитые богатыри Обского края. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ. 2010. 150 с.
17. Каксин А. Д. Устойчивые сочетания на базе соматической лексики как предмет когнитивной лингвистики // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 1 (13). С. 11–15.
18. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: «Наука», 1991. 240 с.
19. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Лузина Л. Г., Панкрац Ю. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. 245 с.
20. Кузнецова А. И. Диахроническая информация лингвистического и экстралингвистического характера во фразеологии обско-угорских и самодийских языков (на примере идиоматических эвфемизмов) // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Hamburg: Helmut Buske, Bd. 23. Verlag, 2001. S. 99–103.
21. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
22. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.
23. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Academia, 2001. 208 с.
24. Медвежьи эпические песни манси (вогулов) / Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. 658 с.
25. Миляхова Ю. Г., Соловар В. Н. Национально-культурные особенности языковых единиц сферы психоэмоционального состояния и поведения человека (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2013. № 2 (12). С. 44–49.
26. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е. И. Ромбандеева. Новосибирск: Наука, 2005. 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).

27. Никитина Л. Б. Архетипические истоки современных языковых репрезентаций человека в его интеллектуальной ипостаси // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 2 (293). Вып. 74. С. 120–127.
28. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А Темп» (Москва), 2006. 944 с.
29. Рябчикова З. С. Соматическая лексика хантыйского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 24 с.
30. Серашова М. Е. Зоонимы во фразеологии хантыйского языка приуральского диалекта // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 7. С. 214–216.
31. Серашова М. Е. Фразеологические соматизмы в хантыйском языке (Приуральский диалект) и английском языках // Духовно–нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история, культура. Ханты-Мансийск: б/и, 2007. С. 75–80.
32. Серашова М. Е. Фразеологическое поле хантыйского языка (приуральский диалект) // Вестник Югорского государственного университета. 2010. № 3 (18). С. 10–15.
33. Словарь мансийско-русский и русско-мансийский: Пособие для учащихся начальной школы / Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова. Л.: Просвещение, 1982. 360 с.
34. Соловар В. Н. Соматическая лексика хантыйского языка (на материале хантыйского языка) // Финно-угроведение. 1998. № 1–2. С. 51–56.
35. Соловар В. Н. Соматическая фразеология в хантыйском языке // Перспективные направления развития в современном финно-угроведении: тезисы Международной научной конференции (Москва, 18–19 ноября 1997 года). М.: Диалог-МГУ, 1997. С. 81–82.
36. Соловар В. Н. Фразеологизмы с соматическим компонентом в хантыйском языке // *Linguistica Uralica*. 1999. XXXV. №4. С. 286–290.
37. Соловар В. Н., Молданова Е. С. Номинации человека по внутренним параметрам (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2011. № 3 (6). С. 33–37.
38. Сязи А. А. Лексико-семантические отношения сомонимов ох «голова» в хантыйском языке (шурышкарский диалект) // Духовно-нравственные пути этнокультурного развития Югры: языки, история, культура. Екатеринбург: б/и, 2007. С. 90–93.
39. Сязи А. А. Соматизмы в составе фразеологизмов хантыйского языка // Материалы XXIII международной конференции финно-угорских студентов. Ч. 1. Саранск: б/и, 2008. С. 236–239.
40. Сязи А. А. Соматическая лексика хантыйского языка (на материале шурышкарского и ваховского диалектов) // «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...»: матер. науч.-практ. конф. с международным участием, посвящённой юбилею М. К. Вагатовой (Волдиной). Ханты-Мансийск: б/и, 2009. С. 346–340.
41. Сязи А. А. Сомоним сэм «глаз» в составе фразеологизмов хантыйского языка (на материале шурышкарского языка) // Материалы третьей научно-практической конференции, посвящённой памяти А.А. Дунина-Горковича. Нижневартовск: Югорский, 2008. С. 69.
42. Сязи А. А. Сомонимы ёш «рука», кўр «нога», сэм «сердце» хантыйского языка (шурышкарского диалекта) в лексико-семантическом аспекте // Материалы II всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные научные проблемы». Екатеринбург: б/и, 2010. С. 109–110.
43. Сязи А. А., Соловар В. Н. Словообразовательная структура и сочетаемость хантыйских сомонимов // «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...»: матер. науч.-практ. конф. с междун. участием, посвящённой юбилею М. К. Вагатовой (Волдиной). Ханты-Мансийск: б/и, 2009. С. 350–354.
44. Телия В. Н. О лингвокультурологических аспектах исследования семантики фраземных знаков // Фразеология-2000: материалы Всероссийской научной конференции «Фразеология на рубеже веков: достижения, проблемы, перспективы» (Тула, 25–26 апреля 2000 г.). Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2000. С. 90–93.
45. Телия В. Н. Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвистические аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 109.
46. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. Москва: Астрель, АСТ, 2008. 880 с.
47. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1986. 543 с.
48. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц: в 2 т. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов; под ред. А. Н. Тихонова. Москва: Флинта, Наука, 2004. 830 с.
49. Хайруллина Р. Х., Созинова Э. М. Антропоцентризм языка и его отражение во фразеологии // Вестник башкирского университета. 2011. Т. 16. 3(1). С. 1114–1116.

50. Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. 115 с.
51. Шарипова Н. Э. Лингвокультуроология как новое направление в системе преподавания иностранного языка // Молодой учёный. 2015. № 3. С. 993–995. URL <https://moluch.ru/archive/83/15467/> (дата обращения: 27.04.2018).
52. Шесталов Ю. Макем Ат = Запах Родины. Тюмень: Тюменск. кн. изд., 1958. 44 с.
53. Шесталов Ю. Нюлы эрыг = Языческая поэма. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1984. 189 с.
54. Шесталов Ю. Сайкаланэ эрыг: поэмат = Песня пробуждения: поэмы. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1965. 56 с.
55. Шесталов Ю. Этнос. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1968. 55 с.

References

1. Alpatov V. M. *Ob antropotsentrichnom i sistemotsentrichnom podkhodakh k yazyku* [About anthropocentric and systemcentric approaches to language]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of linguistics], 1993, no. 3, pp. 15–18. (In Russian)
2. Benvenist E. *Obshhaya lingvistika* [General linguistics]. Translated from French, general edition, introduction and comments by Yu. S. Stepanov. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002. 448 p. (In Russian)
3. Voloshin Yu. K. *Obshhij amerikanskij sleng: sostav, derivatsiya i funktsiya (lingvokul'turologicheskij aspekt)* [General American slang: structure, derivation and function (linguoculturological aspect)]. Krasnodar: Kuban. gos. un-t Publ., 2000. 282 p. (In Russian)
4. Voronina T. M. *Intellectual'naya deyatel'nost' cheloveka v obraznom predstavlenii (na materiale glagol'noj metafor)* [Intellectual activity of a person in image representation (on the material of a verbal metaphor)]. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity], 2000, pp. 298–306. (In Russian)
5. *Geroicheskij ehpos mansi (vogulov): Pesni svyatykh pokrovitelej* [The heroic epos of the Mansi (Voguls): Songs of the saint patrons]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: ООО «Print-Klass» Publ., 2010. 648 p. (In Mansi, Russian)
6. Glushkova V. V. *Nominativnaya model' «derevo – chelovek» v russkom i bolgarskom yazykakh* [Nominative model “a tree – a human” in Russian and Bulgarian languages]. *Onomastika i dialektnaya leksika: sb. nauch. tr.* [Onomastics and dialectal vocabulary: collection of scientific works], 1999, no. 3, pp. 238–241.
7. Gumboldt V. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow: Progress Publ., 1985. 451 p. (In Russian)
8. Dinislamova O. Yu. «*Vneshnij chelovek*» vo frazeologicheskoy kartine mira mansi [«The outer man» in the Mansi phraseological picture of the world]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2016, no. 1 (24), pp. 23–29. (In Russian)
9. Dinislamova O. Yu. *Frazeologicheskaya kartina mira naroda mansi* [Phraseological picture of the world of the Mansi]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2013, no. 2, pp. 29–34. (In Russian)
10. Dinislamova O. Yu. *Funktsionirovanie lingvokul'turnogo kontsepta sym 'serdtse' v mansijskoj yazykovoj kartine mira* [The functioning of the linguoculturological concept sym ‘heart’ in Mansi language picture of the world]. *Problemy i perspektivy sotsial'no-ehkonomicheskogo i ehcnokul'turnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa: sb. st. nauch.-prakt. konf. s mezhdun. uchastiem, posvyashhyonnoj 25-letiyu Obsko-ugorskogo instituta prikladnykh issledovanij i razrabotok (KHanty-Mansiysk, 25 noyabrya 2016). Ch. 1: Filologicheskie issledovaniya* [Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of indigenous peoples of the North: collection of articles of the scientific and practical Conference with international participation dedicated to the 25th anniversary of the Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, November 25, 2016). Part 1: Philological research]. Tyumen: Format Publ., 2017. pp. 106–125. (In Russian)
11. Dinislamova O. Yu. *Yazykovaya reprezentatsiya bazovoj eh Motsii 'gnev' v mansijskoj frazeologicheskoy kartine mira* [Language representation of the basic emotion ‘anger’ in the Mansi phraseological picture of the world]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 3 (30), pp. 28–35. (In Russian)
12. Dinislamova O. Yu. *Yazykovaya reprezentatsiya bazovoj eh Motsii 'strakh' v mansijskom yazyke (na materiale somaticheskikh frazeologicheskikh edinits)* [Language representation of the basic emotion ‘fear’ in the Mansi language (based on somatic phraseological units)]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, Vol. 11, no. 4, pp. 7–19. (In Russian)
13. Dinislamova O. Yu. *Yazykovaya reprezentatsiya bazovykh eh Motsij 'radost', 'pechal' v mansijskoj yazykovoj kartine mira (na materiale somaticheskikh frazeologizmov)* [Language representation of the basic

emotions 'joy', 'sadness' in the Mansi language picture of the world (based on somatic phraseological units)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 2 (29), pp. 19–30. (In Russian)

14. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga vtoraya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The second book]. Khanty-Mansiysk: Izd-vo Yugrafika Publ., 2012. 171 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)

15. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya. Kniga tret'ya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands. The third book]. Khanty-Mansiysk: Yugorskij format Publ., 2015. 204 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)

16. *Imenitye bogatyri Obskogo kraya* [The Eminent Bogatyrs of the Ob lands]. Khanty-Mansiysk: IITS YUGU Publ., 2010. 150 p. (In Russian, Hungarian, Mansi)

17. Kaksin A. D. *Ustojchivye sochetaniya na baze somaticheskoy leksiki kak predmet kognitivnoj lingvistiki* [Sustainable combinations on the basis of somatic vocabulary as a subject of cognitive linguistics]. *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i obrazovaniya* [Humanities: actual problems of humanities and education], 2011, no. 1 (13), pp. 11–15. (In Russian)

18. Kubryakova E. S. *Chelovecheskij faktor v yazyke: Yazyk i porozhdenie rechi* [The human factor in language: Language and the generation of speech]. Moscow: «Nauka» Publ., 1991. 240 p. (In Russian)

19. Kubryakova E. S., Demyankov V. Z., Luzina L. G., Pankrats Yu. G. *Kratkij slovar' kognitivnykh terminov* [Brief dictionary of cognitive terms]. Moscow: MGU Publ., 1996. 245 p. (In Russian)

20. Kuznetsova A. I. *Diakhronicheskaya informatsiya lingvisticheskogo i ehkstralingvisticheskogo kharaktera vo frazeologii obsko-ugorskikh i samodijskikh yazykov (na primere idiomaticheskikh ehvfemizmov)* [Diachronic information of linguistic and extralinguistic character in phraseology of the Ob-Ugric and Samoyedic languages (on the example of idiomatic euphemisms)]. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Hamburg: Helmut Buske, Bd. 23. Verlag, 2001. pp. 99–103. (In Russian)

21. Lakoff G., Johnson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: URSS Editorial Publ., 2004. 256 p. (In Russian)

22. Leontyeva T. V. *Intellekt cheloveka v russkoj yazykovoj kartine mira* [Human intellect in the Russian language picture of the world]. Ekaterinburg: Izd-vo GOU VPO «Ros. gos. prof.-ped. un-t» Publ., 2008. 280 p. (In Russian)

23. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Linguoculturology: a textbook for students of higher educational institutions]. Moscow: Academia Publ., 2001. 208 p. (In Russian)

24. *Medvezh'i ehpiccheskie pesni mansi (vogulov)* [Bear epic songs of the Mansi (Voguls)]. Ed. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk: Print-Klass Publ., 2012. 658 p. (In Mansi, Russian)

25. Milyakhova Yu. G., Solov'ov V. N. *Nacional'no-kul'turnye osobennosti jazykovykh edinic sfery psihosoznaniya i povedeniya cheloveka (na materiale shuryshkarskogo i kazym'skogo dialektov hantyjskogo jazyka)* [National-cultural peculiarities of language units of the sphere of psycho-emotional state and behavior (on the material of the Kazym and Shuryshkar dialects of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 2 (12), pp. 44–49. (In Russian)

26. *Mify, skazki, predaniya mansi (vogulov)* [Myths, fairy tales, legends of the Mansi (Voguls)]. Comp. by E. I. Rombandeeva. Novosibirsk: Nauka Publ., 2005. 475 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 26) [Monuments of folklore of the people of Siberia and the Far East; Vol. 26]. (In Mansi, Russian)

27. Nikitina L. B. *Arkhetipicheskie istoki sovremennykh yazykovykh reprezentatsij cheloveka v ego intellektual'noj ipostasi* [The archetypal sources of modern linguistic representations of a human in the intellectual aspect]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of the Chelyabinsk State University. Philology. Art criticism], 2013, no. 2 (293), iss. 74, pp. 120–127. (In Russian)

28. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow: OOO «A Temp» Publ. (Moscow), 2006. 944 p. (In Russian)

29. Ryabchikova Z. S. *Somaticheskaya leksika khantyjskogo yazyka* [Somatic lexicon of the Khanty language]. Saint-Petersburg, 2008. 24 p. (In Russian)

30. Serashkova M. E. *Zoonimy vo frazeologii khantyjskogo yazyka priural'skogo dialekta* [Zoonyms in phraseology in the Priuralski dialect of the Khanty language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University], 2013, no. 7, pp. 214–216. (In Russian)

31. Serashkova M. E. *Frazeologicheskie somatizmy v khantyjskom yazyke (Priural'skij dialekt) i anglijskom yazykakh* [Phraseological somatizms in the Khanty language (Priuralsky dialect) and in English]. *Dukhovno-nravstvennye puti ehnikul'turnogo razvitiya Yugry: yazyki, istoriya, kul'tura* [Spiritual and moral ways of ethnocultural development of Yugra: languages, history, culture]. Khanty-Mansiysk: [w/p], 2007. pp. 75–80. (In Russian)

32. Seraskhova M. E. *Frazeologicheskoe pole khantyjskogo yazyka (priural'skij dialekt)* [Phraseological field of the Khanty language (Priuralsky dialect)]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Yugra State University], 2010, no. 3 (18), pp. 10–15. (In Russian)
33. *Slovar' mansijsko-russkij i russko-mansijskij: Posobie dlya uchashhikhsya nachal'noj shkoly* [Mansi-Russian and Russian-Mansi Dictionary: Handbook for primary school students]. Comp. by E. A. Rombandeeva, E. A. Kuzakova. Leningrad: Prosveshhenie Publ., 1982. 360 p. (In Russian)
34. Solovar V. N. *Somaticheskaya leksika khantyjskogo yazyka (na materniale khantyjskogo yazyka)* [Somatic lexicon of the Khanty language (on the material of the Khanty language)]. *Finno-ugrovedenie* [Finno-Ugric Studies], 1998, no. 1–2, pp. 51–56. (In Russian)
35. Solovar V. N. *Somaticheskaya frazeologiya v khantyjskom yazyke* [Somatic phraseology in the Khanty language]. *Perspektivnye napravleniya razvitiya v sovremennom finno-ugrovedenii: tezisy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (Moskva, 18–19 noyabrya 1997 goda)* [Perspective directions of development in modern Finno-Ugric studies: theses of the International scientific conference (Moscow, November 18–19, 1997)]. Moscow: Dialog-MGU Publ., 1997. pp. 81–82. (In Russian)
36. Solovar V. N. *Frazeologizmy s somaticheskim komponentom v khantyjskom yazyke* [Phraseological units with somatic component in the Khanty language]. *Linguistica Uralica* [Linguistica Uralica], 1999, XXXV, no. 4, pp. 286–290. (In Russian)
37. Solovar V. N., Moldanova E. S. *Nominatsii cheloveka po vnutrennim parametram (na materiale kazym'skogo dialekta khantyjskogo yazyka)* [Nominations of a person according to the internal parameters (based on the Kazym dialect of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2011, no. 3 (6), pp. 33–37. (In Russian)
38. Syazi A. A. *Leksiko-semanticheskie otnosheniya somonimov okh «golova» v khantyjskom yazyke (shuryshkarskij dialekt)* [Lexical-semantic relations of the somonyms okh 'head' in the Khanty language (Shuryshkar dialect)]. *Dukhovno–nравstvennye puti ehnikokul'turnogo razvitiya Yugry: yazyki, istoriya, kul'tura* [Spiritual and moral ways of ethnocultural development of Yugra: languages, history, culture]. Ekaterinburg: [w/p], 2007. pp. 90–93. (In Russian)
39. Syazi A. A. *Somatizmy v sostave frazeologizmov khantyjskogo yazyka* [Somatisms in the phraseology of the Khanty language]. *Materialy XXIII mezhdunarodnoj konferentsii finno-ugorskikh studentov. Ch. I* [Proceedings of XXIII international conference of Finno-Ugric students. Part 1]. Saransk: [w/p], 2008. pp. 236–239. (In Russian)
40. Syazi A. A. *Somaticheskaya leksika khantyjskogo yazyka (na materiale shuryshkarskogo i vakhovskogo dialektov)* [Somatic lexicon of the Khanty language (on the material of the Wakh and Shuryshkar dialects)]. *«Sorodichi, ya ne tayu prekrasnoe ot vashikh vzorov...»: mater. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashhyonnoj yubileyu M. K. Vagatovoj (Voldinoj)* [“Kin, I don't conceal the beautiful from you...”: proceedings of the scientific and practical Conference with international participation devoted to anniversary of M. K. Vagatova (Volgina)]. Khanty-Mansiysk: [w/p], 2009. pp. 346–340. (In Russian)
41. Syazi A. A. *Somonim sehm «glaz» v sostave frazeologizmov khantyjskogo yazyka (na materiale shuryshkarskogo yazyka)* [The somonym sam 'eye' in the structure of the phraseological units of the Khanty language (on the material of the Shuryshkar language)]. *Materialy tret'ej nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashhyonnoj pamyati A.A. Dunina-Gorkovicha* [Materials of the third scientific-practical conference dedicated to the memory of A. A. Dunin-Gorkovich]. Nizhnevartovsk: Yugorskij Publ., 2008. p. 69. (In Russian)
42. Syazi A. A. *Somonimy yosh «ruka», kyr «noga», sam «serdtse» khantyjskogo yazyka (shuryshkarskogo dialekta) v leksiko-semanticheskom aspekte* [Somononyms yosh 'hand', kyr 'leg', sam 'heart' in the Khanty language (Shuryshkar dialect) in the lexical-semantic aspect]. *Materialy II vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Aktual'nye nauchnye problemy»* [Proceedings of the II Russian scientific-practical conference with international participation “Actual scientific problems”]. Ekaterinburg: [w/p], 2010. pp. 109–110. (In Russian)
43. Syazi A. A., Solovar V. N. *Slovoobrazovatel'naya struktura i sochetaemost' khantyjskikh somonimov* [Derivational structure and compatibility of the Khanty somonims]. *«Sorodichi, ya ne tayu prekrasnoe ot vashikh vzorov...»: mater. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashhyonnoj yubileyu M. K. Vagatovoj (Voldinoj)* [“Kin, I don't conceal the beautiful from you...”: proceedings of the scientific and practical Conference with international participation devoted to anniversary of M. K. Vagatova (Volgina)]. Khanty-Mansiysk: [w/p], 2009, pp. 350–354. (In Russian)
44. Teliya V. N. *O lingvokul'turologicheskikh aspektakh issledovaniya semantiki frazemnykh znakov* [About linguoculturological aspects of the research of the semantics of phrasal signs]. *Frazeologiya–2000: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferentsii «Frazeologiya na rubezhe vekov: dostizheniya, problemy, perspektivy» (Tula, 25–26 aprelya 2000 g.)* [Phraseology–2000: materials of the all-Russian scientific conference “Phraseology at

the turn of centuries: achievements, problems, prospects" (Tula, April 25–26, 2000)]. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo Publ., 2000, pp. 90–93. (In Russian)

45. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskie, pragmaticheskie i lingvisticheskie aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguistic aspects]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury» Publ., 1996. p. 109. (In Russian)

46. *Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinits* [Phraseological dictionary of Russian literary language: approx. 13000 phraseological units]. Ed. by A. I. Fedorov. Moscow: Astrel', AST Publ., 2008. 880 p. (In Russian)

47. *Frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. by A. I. Molotkov. Moscow: Russkij yazyk Publ., 1986. 543 p. (In Russian)

48. *Frazeologicheskij slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: bolee 35000 frazeol. edinic: v 2 t.* [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language: more than 35,000 phraseological units: in 2 volumes]. Ed. by A.N. Tikhonov. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2004. 830 p. (In Russian)

49. Khayrullina R. Kh., Sozinova E. M. *Antropotsentrizm yazyka i ego otrazhenie vo frazeologii* [Anthropocentrism of language and its reflection in phraseology]. *Vestnik bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2011, vol. 16. no. 3 (I), pp. 1114–1116. (In Russian)

50. Chernetsov V. N., Chernetsova I. Ya. *Kratkij mansijsko-russkij slovar'* [Brief Mansi-Russian dictionary]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz Publ., 1936. 115 p. (In Mansi, Russian)

51. Sharipova N. E. *Lingvokul'turologiya kak novoe napravlenie v sisteme prepodavaniya inostrannogo yazyka* [Linguoculturology as a new direction in the system of foreign language teaching]. *Molodoj uchyonyj* [Young scientist], 2015, no. 3, pp. 993–995. Available at: <https://moluch.ru/archive/83/15467/> (accessed April 27, 2018). (In Russian)

52. Shestalov Yu. *Makem At = Zapakh Rodiny* [Makem At = The Scent of the Motherland]. Tyumen: Tyumensk. kn. izd. Publ., 1958. 44 p. (In Mansi)

53. Shestalov Yu. *Nyuly ehryg = Yazycheskaya poehma* [Nyuly ehryg = The Pagan Poem]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1984. 189 p. (In Mansi)

54. Shestalov Yu. *Sajkalaneh ehryg: poehmat = Pesnya probuzhdeniya: poehmy* [Sajkalaneh ehryg: poehmat = The Song of Awakening: poems]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1965. 56 p. (In Mansi)

55. Shestalov Yu. *Etpos* [Etpos]. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo Publ., 1968. 55 p. (In Mansi)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Динисламова Оксана Юрисовна, научный сотрудник научно-исследовательского отдела мансийской филологии и фольклористики, Бюджетное учреждение ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок» (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира 14А, офис 310).

o.dinislamova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2189-9102

ABOUT THE AUTHOR:

Dinislamova Oksana Yurisoovna, Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A, office 310).

o.dinislamova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2189-9102